

О НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ, СКРЫТЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ СТРУКТУРЫ СТИХОТВОРЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА “ЕСТЬ РЕЧИ...”

Олег Борисович Заславский

доктор физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)

e-mail: zaslav@ukr.net

Аннотация. В работе обсуждаются элементы структуры стихотворения двух типов. В первую группу входят элементы, намеренно лишённые определенности. Сюда относится соотношение между «речами» первых двух строф и «словом» из последующих трех. Такая неопределенность является примером иконического воплощения мотива речей с неясным значением. Другой пример – образ пламени с его неизбежно колеблющимися отблесками и неназванным словом «языки», устанавливающим связь между элементами существенно разной семиотической природы – образом и словом. Актуальное здесь соотношение явного и скрытого дублируется в соответствующем библейском подтексте, связанном с образом горящего куста, из которого Бог говорил, оставаясь невидимым. Во вторую группу входят элементы существенно дискретной природы, связанные с отрицанием. Показано, что и здесь проявляет себя смысловая неоднозначность: отрицание наряду со своим стандартным значением работает на утверждение высшей позитивной ценности, которой является обретение Слова.

Ключевые слова: неопределенность, слово и образ, библейский подтекст, отрицание, Лермонтов.

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав его, я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

[Лермонтов: 144]

Проблемы, связанные с языковой коммуникацией и ее элементами (речь, слово, звуки) являются для стихотворения ключевыми. Однако здесь есть вопрос, который в исследовательской литературе, как правило, игнорируется или рассматривается не вполне корректно. Из-за того что соотноше-

ние между указанными элементами в разных частях стихотворения отнюдь не фиксировано заранее и не является очевидным, неясно, как рожденное «из пламя и света» слово из третьей строфы соотносится с речами из первой и второй. В качестве примера приведем мнение Е.Г. Эткинда, из которого следует, что их нужно отождествить:

«Речь, по-настоящему выражающая “внутреннего человека”, отнюдь не состоит из тех слов, смысл которых закреплен за ними разумом или обычаем. Слова, передающие наши страсти (*безумство желанья, слезы разлуки, трепет свиданья*), рождены из *пламя и света* – иначе говоря, возникли прямо из этих страстей» [Эткинд: 87]

Однако представляется странным требовать ответа этого мира на личные страсти или сокрушаться по поводу того, что такое слово не встретит ответа, как это сделано в третьей строфе. Кроме того, отождествление личных страстей с пламенем и светом само по себе выглядит произвольным и сомнительным – особенно это касается света.

Подразумеваемое Эткиндром отождествление «речей» и слова, рожденного «из пламя и света», типично для работ о данном стихотворении. Например, в статье М. Фрайзе утверждается, что «лирическое Я при дальнейшем разворачивании стихотворения проявляется как лицо, способное воспринять (“услышав”) и узнать эту речь» [Фрайзе: 309].

Однако при таком отождествлении вступают в силу трудности, указанные выше. Ситуация усложняется еще больше, если учесть наличие в стихотворении библейского подтекста. А именно, ключевой образ стихотворения – «из пламя и света рожденное слово» – связан с неопалимой купиной, разговором, который Бог, оставаясь невидимым, вел с Моисеем из горящего куста [Заславский: 75]. Это задает противопоставление сакрального и профанного миров. Непосредственное отождествление речей из профанного мира с сакральным словом (далее для краткости Словом) представляется невозможным. Кроме того, их различие проявляется и в том, что Слово, представленное в четвертой и пятой строфах, обладает высшей ценностью, тогда как применительно к речам этот критерий не имеет смысла.

С.Н. Бройтман указывал на другой библейский источник («Третья строфа со всей очевидностью отсылает нас к широко известному тексту о начале мира и творящем “Слове” – к Евангелию от Иоанна») и считал, что «слово в “Есть речи...” обращено к творящему мир “Слову” и является ответом на него» [Бройтман: 248]. Однако оба эти утверждения противоречат тексту. Слово, которое указано в третьей строфе, является не рождающим, а, наоборот, рожденным. Утверждение же, что Слово в стихотворении является ответом на Слово из третьей строфы, предполагает, что в произведении при-

сутствуют два разных таких Слова. Однако местоимения *его*, *ему* в четвертой и пятой строфах указывают на то, что там подразумевается именно то Слово, о котором сказано в третьей строфе, а не какое-то другое.

Таким образом, вопрос о соотношении между «речами» из первой и второй строф, с одной стороны, и Словом из третьей, четвертой и пятой, с другой, не получил удовлетворительного разрешения. Он рассмотрен нами ниже.

Помимо вопроса об этом соотношении, есть еще и другая трудность, связанная с позицией воспринимающего. В первых двух строфах он указывает на неизбежное волнение и пытается описать эффект от слышимых звуков, переводя их на язык различных жизненных ситуаций. Но почему вдруг в третьей строфе возникают строки с горькой констатацией несоответствия реакции на Слово его подлинной природе, если лирическое Я описывает свое собственное восприятие? (А далее идут две строфы, в которых говорится как раз об адекватной реакции Я на это слово.)

Можно избежать противоречия, если отнести упреки из третьей строфы не к воспринимающему Я, а к миру, ретранслирующему неясные речи: Слово попадает в мир, который не способен дать на него адекватный ответ. Тогда строки из третьей строфы об отсутствии адекватного ответа можно интерпретировать как упрек профанному миру за его неспособность к пониманию, как про-

тивопоставление «плебейского проявления жизни» и «огня вдохновения гения» [Фрайзе: 311]. Тем не менее, от этого слова остается отблеск с неясным значением, именно его и воспринимает лирическое Я в первых двух строфах.

Т. е. в какой-то мере Слово все же просвечивает через эти «речи» – судя по тому, какие эффекты они производят. Это означает, что косвенный, неполный контакт со Словом у лирического Я происходит еще в первых двух строфах. Но что касается контакта полноценного, то лирическое Я утверждает невозможность такого контакта с этим словом в профанном мире и относит его лишь к будущему.

Сказанное означает, что в третьей строфе, т. е. как раз в середине стихотворения, происходит качественный скачок, переход от восприятия «речей», разлитых в мирском шуме, к Слову, творческая встреча с которым ожидается в будущем как акт высшей ценности. Интерпретации, которые рассматривают переход от «речей» к «слову» как непрерывный постепенный процесс, упускают этот существенный момент.

Мы видим, что в данном случае склеить в единое смысловое целое разные куски текста оказалось не вполне тривиальной задачей. Причем наличие такой проблемы, по-видимому, является не изолированным примером, а характерным для поэтики Лермонтова свойством: в качестве еще одного

примера трудностей, возникающих в поэзии Лермонтова при попытке соединить фрагменты произведения в единое целое, можно указать также стихотворение «Не верь себе» [Манн: 418–422]. Неопределенность, связанная с отсутствием априорно данного соотношения между соответствующими элементами в разных частях стихотворения, приводит к тому, что «темными» оказываются не только значение речей и стихотворения о них в целом, но и сама структура произведения!

Ранее С.В. Ломинадзе уже отмечал, что данное стихотворение обладает «автопортретным» характером: «Оно существует как те именно “речи”, о которых говорит» [Ломинадзе: 77]. Сходная мысль выражена в работе Л.Г. Фризмана: «Оно само выражение идеи, о котором оно говорит» [Фризман: 36]. Иной случай иконического соответствия указан в нашей предыдущей работе, где отмечено, что поскольку читатели в течение длительного периода не замечали библейский подтекст, в котором говорилось об отсутствии отклика, то такое пессимистическое предсказание, данное в тексте, они реализовали в истории восприятия стихотворения [Заславский: 38]. Теперь к этому ряду иконических соответствий добавилось еще одно – из-за того, что идентификация и соответствие разных элементов (речи, слово, звук) в разных частях текста являются априорно неясными.

Указанные выше особенности являются частными случаями общего свойства неопределенности, характерного для произведения, которое может проявлять себя на самых разных уровнях. (Ср. с беглым замечанием М. Фрайзе: «Само стихотворение ссылается на амбивалентность и эквивалентность уже своей метро-ритмической структурой» [Фрайзе: 308].) Его учет позволяет приблизиться к пониманию и некоторых других моментов. В частности, это относится к роли звука. Ранее Л.Г. Фризмман высказался по этому поводу в пользу романтической трактовки стихотворения:

«Именно в звуках, а не в их значении, “пустом и ничтожном”, кроется для Лермонтова истинная причина покоряющей силы слова. Противоречие между звуком и значением у Лермонтова – это противоречие между чувством и возможностью его выразить» [Фризмман: 32].

Это было подвергнуто критике Э.Э. Найдичем, однако эта критика («Лермонтовское стихотворение не расщепляет слово на звук и смысл, а представляет его во всей жизненной полноте» [Найдич: 159]) выглядит чересчур общей и оторванной от текста. Подробный разбор точки зрения Фризммана дан в работе [Фрайзе: 307]. Со своей стороны, мы хотели бы добавить еще несколько соображений по поводу соотношения звука и слова (речей) в этом стихотворении.

Точка зрения Фризммана, процитированная выше, предполагает, что есть некое заранее заданное первичное содержание (диктуемое чувством), и проблема лишь в том, чтобы это содержание выразить. Однако звук в стихотворении выступает скорее как возможность вместить в себя и выразить самое разное, заранее не фиксированное содержание, вплоть до противоположностей (например, свидание и разлуку). Именно неопределенность, за которой может скрываться непредсказуемое содержание, и обуславливает значимость звука, который оказывается зародышем смысла. Это же объясняет, почему Слово, впервые упомянутое в третьей строфе, о котором говорится также в четвертой, вдруг оборачивается звуком в пятой. Это – слово творческое, со свободным и не фиксируемым заранее значением и обликом, элемент настоящей поэзии.

Согласно замечаниям К.Э. Штайн, «значение (темное, ничтожное) и звучание расщепляются; дальнейший объект рефлексии – звуки; во второй части объект рефлексии уже Божественное слово» [Штайн: 272]. Тем самым звук, значение и слово рассматриваются, согласно Штайн, как отдельные равноправные субстанциональные сущности. С нашей же точки зрения, дело как раз и заключается в том, что звук – это возможность вместить самое разное содержание, т. е. указанные выше элементы находятся на разных уровнях абстракции.

Неопределенность проявляет себя и по-другому. Выше мы уже отмечали проявление этого свойства в соотношении между речами и Словом. К этому можно добавить и зрительный образ: сама связь Слова с пламенем и светом предполагает колеблющиеся отблески, реализующие принцип неопределенности наглядно. Кроме того, не названное, но подразумеваемое слово «языки» (в применении к пламени) актуализует «язык» и в лингвистическом смысле и тем самым указывает на дополнительную связь Слова и его образа. В пользу такой интерпретации свидетельствует также то обстоятельство, что названное явно «слово» и неназванные «языки» метонимически связаны. В результате опосредующей роли «языка», связанного как со словом, так и с пламенем, получается, что Слово как бы действительно возникает непосредственно из пламени (=из языка), что является еще одним иконическим соответствием в стихотворении.

Само же двойное значение слова «язык» служит здесь еще одним примером неопределенности. Другое проявление двойной структуры состоит в том, что здесь объединились элементы разной семиотической природы – образ и слово. А поскольку слово «языки» не названо, то языковая составляющая оказывается как бы невидимой («темной»), что соотносится с мотивом «темных» речей и актуализует противопоставление видимого и невидимого. Это соответствует

библейскому первоисточнику слова, рожденного «из пламя и света» [Заславский: 75], где Бог говорил с Моисеем из куста, оставаясь невидимым.

Вернемся к вопросу о структуре стихотворения и соотношении ее частей. Получается, что стихотворение членится на три части. Первая (строфы 1, 2) включает в себя взаимодействие лирического Я и неясных речей в «шуме мирском». Третья (строфы 4, 5) – взаимодействие лирического Я и сакрального слова. Симметрично между первой и третьей частями располагается вторая, которая состоит из строфы 3. Более того, и ее внутренняя структура оказывается симметричной. В первых двух строках говорится о мирском шуме, в третьей и четвертой – о сакральном слове. Соответственно, первая и вторая строки тяготеют к первым двум строфам. Их можно понимать как отрицательную оценку реакции мира на сакральное слово: неясные речи – это все же нечто иное, чем то, что заложено в сакральном слове, и поэтому не могут считаться полноценным ответом на него. А третья и четвертая строки тяготеют к оставшимся двум строфам. В них как раз развивается тема этого слова.

Таким образом, в первой и третьей частях стихотворения говорится о существенно разных ситуациях, так что к лирическому Я особое слово идет двумя путями. В первой части это – непонятное присутствие слова в повседневности, причем мирской шум –

среда, сквозь которую проступают отзвуки, отблеск этого Слова, которые ловит лирическое Я. Третья часть, в которой говорится о взаимодействии со Словом, – это собственно поэзия. Жест лирического Я, «бросающегося» навстречу Слову, можно рассматривать как акт творчества в порыве вдохновения.

Т.М. Николаева предложила типологию стихотворений русской литературы XIX в., в которых описывается взаимодействие поэта с появляющимися неясными звуками. В соответствующей схеме существенными являются пункты, связанные с пространственной или временной локализацией звуков, а результат представляет собой эмоциональную реакцию, «претворяющуюся либо в начало непосредственного творчества, либо в некий душевный перелом» [Николаева: 252]. Однако рассматриваемое стихотворение в эту схему не вписывается. Реакция на Слово носит универсальный характер и никак не связана ни с пространством («и где я ни буду»), ни со временем. Главный же результат – не эмоциональная реакция на Слово, а сам факт встречи с ним – сущностью высшего порядка, обладающей полной и абсолютной ценностью.

Выше мы видели, что существенную роль в стихотворении играют элементы неопределенности, которые приводят к «смазанной» картине с континуальными свойствами. С другой стороны, здесь действует и прямо противоположный механизм: в стихотво-

рении, как мы сейчас увидим, оказываются значимыми четкие дискретные элементы. Прежде всего это относится к элементам отрицания НЕ, НИ, НО. Они проявляют себя в словах и сочетаниях «НИчтожно», «НЕвозможно», «НЕ встретит», «НО где я НИ буду», «НЕ кончив молитвы». В слове «рождЕН-Ное» инверсия НЕ – ЕН может пониматься как явление, противоположное отрицанию и уничтожению, – в полном соответствии со смыслом слова «рождать».

В стихотворении присутствует динамика утверждений и отрицаний. Первое же слово произведения – «есть», заявляющее о существовании феномена неясных «речей». Далее в этой же строфе встречается двойное отрицание: «без волнения» и «невозможно». Во второй строфе ситуация является противоречивой. Упоминается «безумство», т. е. качество, связанное с отсутствием – в данном случае ума (на это обратил внимание Фрайзе, отметив как парадокс, что «звуки здесь наполнены отсутствием» [Фрайзе: 307–308]). Однако при этом возникает и свойство наполненности, т. е. нечто, связанное с присутствием, наличием: «Как полны их звуки». Также появляются дискретные элементы с возможностью прямо противоположных значений: свидание или разлука. В третьей строфе говорится о появлении принципиально нового – рожденного Слова. Заметим, что уже такая динамика, предполагающая переход между разными состояниями, указывает на нетож-

дественность «речей» и Слова, о чем мы говорили выше. В четвертой и пятой строфах сказано, что лирическое Я может находиться на поле боя или в храме. Здесь мы хотим обратить внимание на важное соотношение между ними, до сих пор, кажется, не отмеченное в литературе. Дело в том, что в обоих случаях ситуация является пограничной, на грани жизни и смерти. В случае боя это относится к физическому уничтожению противника или вероятности собственной физической гибели. Что касается храма, то молитва – это коммуникация с «тем», высшим миром, который находится за пределами земного. И оказывается, что вдохновение, благодаря которому Я «встречает» слово, оказывается важнее и выше и того, и другого! Оно дает подлинное бессмертие, возвышающееся над мирским (воинская слава) и духовным (связанным со спасением души) способами его достижения.

Все это находит свое выражение и в языке. «НЕ кончив молитвы» – здесь прекращение, отбрасывание действия приводит к еще более важному действию, находящемуся на более высокой ценностной ступени. В этом смысле здесь «НЕ» включается в позитивный контекст. Это же относится к «НИ» («где я ни буду»): формально это отрицательная частица, но в четвертой строфе ее употребление указывает на ничем не отменяемую способность лирического Я ко встрече Словом.

Мы видим, что на протяжении всего стихотворения отрицание, наряду со своим стандартным значением, работает на утверждение позитивных ценностей. И отбрасывание существующего порядка вещей производится ради высшей позитивной ценности – обретения Слова.

Литература

Бройтман, С.Н. «На звук тот ответу». Субъектно-образная ситуация в лирике Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: Pro et contra. Т.2. / сост., коммент. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова; отв. ред. Л.В. Богатырев. СПб: РХГА, 2014. С. 235–249.

Заславский, О.Б. Слово и его образ: две заметки о поэтике Лермонтова // Новый филологический вестник. 2016. № 3 (38). С. 73–80.

Лермонтов, М.Ю. Есть речи – значенье... // Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 144.

Ломинадзе, С.В. «Не кончив молитвы» // Ломинадзе С.В. Поэтический мир Лермонтова. М.: Изд-во «Современник», 1985.

Манн, Ю.В. Самое загадочное стихотворение Лермонтова // Манн Ю.В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 418–430.

Найдич, Э.Э. «Из пламя и света рожденное слово...» // Найдич Э.Э. Этюды о Лер-

монтове. СПб.: Худож. лит., 1994. С. 156–163.

Николаева, Т.М. «Из пламя и света рожденное слово» // Николаева Т.М. О чем рассказывают нам тексты? М: Языки славянской культуры, 2012. С. 238–254.

Фрайзе, М. Метапоэтика в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Есть речи – значенье» // Филологические записки. 2009. Вып. 28–29. С. 299–315.

Фризман, Л.Г. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Есть речи – значенье» // Научные доклады высшей школы. «Филологические науки». 1971. № 4. С. 27–37.

Штайн, К.Э. Эйдос звука в лирике М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: Pro et contra. Т. 2. / сост., коммент. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова; отв. ред. Л.В. Богатырев. СПб: РХГА, 2014. С. 259–273.

Эткинд, Е.Г. «Волшебные звуки» // Эткинд Е.Г. Внутренний человек и внешняя речь. Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 86–88.

References

Broytman, S. (2014). “Na zvuk tot otvechu”. Subektno-obraznaya situatsiya v lirike Lermontova [Subjective-figurative situation in the lyrics of Lermontov]. In L. Bogatyrev (Ed.), *M. Yu. Lermontov: Pro et contra* (Vol. 2). St.Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, 235–249.

Etkind, E. (1998). Volshebnye zvuki [Magic sounds]. In E. Etkind, *Vnutrenniy chelovek i vneshnyaya rech’*. *Ocherki psikhopoetiki russkoy literatury XVIII–XIX vv.* [Internal man and external speech. Outlines of psychopoetics of Russian literature of the XVIII–XIX centuries]. Moscow: Yazyky slavyanskoy kul’tury, 86–88.

Freise, M. (2009). Meta poetika v stikhotvoreniy M.Yu. Lermontova “Est’ rechi – znachen’e”. [Metapoetics in the poem “There are speeches” by M.Yu. Lermontov]. *Filologicheskie zapiski* [Philological Papers], 28–29, 299–315.

Frizman, L. (1971). Stikhotvorenie M.Yu. Lermontova “Est’ rechi – znachen’e” [Poem “There are speeches” by M.Yu. Lermontov]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly*. “*Filologicheskie nauki*” [Reports of higher school. Philology], 4, 27–37.

Lominadze, S. (1985). “Ne konchiv molitvy” [“Without finishing the prayer”]. In S. Lominadze, *Poeticheskiy mir Lermontova* [Poetic world of Lermontov]. Moscow: Sovremennik, 77–89.

Mann, Yu. (2007). Samoye zagadochnoye stikhotvoreniye Lermontova [The most mysterious poem by Lermontov]. In Yu. Mann, *Russkaya literatura XIX veka. Epokha romantizma* [Russian literature of the XIX century. The epoch of romanticism]. Moscow: RGGU.

Naydich, E. (1994). “Iz plamya i sveta rozhdennoe slovo...” [“A word born of flame and light...”]. In E. Naydich, *Etyudy o Lermontove* [Studies on Lermontov]. SPb.: Khudozhestvennaya literatura, 156–163.

Nikolaeva, T. (2012). “Iz plamya i sveta rozhdennoe slovo...” [“A word born of flame and light...”]. In T. Nikolaeva, *O chem rasskazyvayut nam teksty?* [What do texts tell us about?] Moscow: Yazyky slavyanskoy kul'tury, 238–254.

Shtain, C. (2014). Eydos zvuka v lirike M.Yu. Lermontova. [Eidos of sound in the lyrics of M.Yu. Lermontov] In L. Bogatyrev

(Ed.), *M.Yu. Lermontov: Pro et contra* (Vol. 2). St.Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, 259–273.

Zaslavsky, O. (2016). Slovo i ego obraz: dve zametki o poetike Lermontova. [Word and its image: two notes on the poetics of Lermontov] *Novyy filologicheskyy vestnik* [New Philology Herald] 3 (38), 73– 80.

**ON UNCERTAIN, HIDDEN AND NEGATIVE ELEMENTS OF STRUCTURE
OF THE M. YU. LERMONTOV'S POEM "THERE ARE SPEECHES..."**

Oleg B. Zaslavskii (Zaslavsky), Doctor of Physical and Mathematical Sciences, senior scientific researcher; leading researcher, Kharkov National University named after V.N. Karazin, Kharkov, Ukraine; e-mail: zaslav@ukr.net

Abstract. We discuss the elements of the structure of the poem "There are Speeches..." deliberately devoid of definiteness. This includes relationship between "speeches" of the first two stanzas and "word" of the subsequent three ones. Such an uncertainty is an example of iconic realization of the motif of speeches with unclear meaning. Another example is given by the image of flame with its inevitably fluctuating gleams and the word "flames" ("yazyki", homonym to "languages" in Russian) that establishes connection between elements of essentially different semiotic nature – word and image. The relationship between explicit and implicit elements is doubled in the corresponding subtext from the Bible with the image of the burning bush from which God talked remaining invisible.

Key words: uncertainty, word and image, Bible subtext, denial, Lermontov.

